

Психология на распутье

Продолжение размышлений о будущем (неакадемический текст на академические темы)

Зеличенко Александр Исаакович

Институт Высшей Психологии, Сетевой проект

e-mail: russkiysvet@yandex.ru

Аннотация. Шесть новых "писем" о будущем психологии продолжают серию коротких эссе (Зеличенко, 2015) о том, какой предстоит стать психологии.

Ключевые слова: психология, профессия, мышление, этнопсихология, деменция, задачи психологии.

Continuation of thinking on future (non-academical text on academical themes)

Zelichenko Aleksandr Isaakovich

Institute of Higher Psychology, Web-project

e-mail: russkiysvet@yandex.ru

Abstract. These new letters on future o psychology continue the series of short essays (Zelichenko, 2015) on what psychology can become.

Keywords: psychology, profession, thinking, ethnic psychology, dementia, objectives of psychology.

Письмо 16. Психология как профессия: проблемы психологической культуры и манипулирования

Дорогой друг!

Психология не только наука, не только область знания, но и профессия. То есть то, чем можно зарабатывать деньги. Это значит, что психологи обречены откликаться на запрос потенциальных потребителей их услуг: делать то, за что платят.

И тут возникает два вопроса: – когда это возможно и когда это допустимо без ущерба для самого психолога?

Например, к психотерапевту приходит дама и просит сделать ее счастливой. Она готова заплатить. Срок – день. Максимум – два. Человек в своем праве: она потребитель, она деньги платит. Что делать психологу? Объяснять, что это невозможно или выполнять заказ?

Другой пример – к психологу обращается производитель эликсира счастья (или вечной молодости, или нерушимого здоровья) и просит помочь с рекламой своего товара. Эта ситуация самая типичная: заставить других людей делать то, что хочет заказчик. Менеджеры, газетчики, телевизионщики, политики, наконец, только этого и хотят.

Примеров такого рода очень много: люди готовы платить за власть над другими людьми, или за избавление себя от работы внутреннего развития. Да, и вообще много у платежеспособных людей желаний, в которых психолог мог бы им помочь (или они думают, что психолог может им помочь). Что в этой ситуации делать психологу?

Сегодня психологи отвечают на этот вопрос чаще всего так: «Есть запрос, должно быть и предложение». И охотно соглашаются быть и манипуляторами, и просто шарлатанами. Не слишком задумываясь о вреде, который они причиняют другим, и совсем не задумываясь о вреде, который они причинят себе: своей душе, своей психике и своей судьбе.

И всё это потому, что они – плохие психологи: плохо знают свой предмет. Иначе бы они знали, что любое такое «профессиональное действие» имеет крайне печальные последствия для них самих. Иногда так сеются семена негативного самоотношения. Но это еще не самое страшное – гораздо чаще посев происходит на еще более глубинном – под-подсознательном уровне, неизвестном современной психологии.

Этот уровень можно назвать «уровнем управления судьбой». Восточная философия называет его кармическим. В христианской традиции говорят о грехах. Которые не пускают душу в рай.

Рассказывать о механике управления судьбой можно было бы долго. Но здесь это неуместно. В частности, потому что знание этой механики: во что трансформируется опыт плохого поведения, как он меняет энергетическую картину психики и какие жизненные события притягивает (то есть какой «дополнительный» опыт необходимо пережить, чтобы «аннигилировать» преобразованный без осознания опыт плохого поведения («грех»), на житейском языке – какое наказание получить, чтобы искупить преступление) – так вот, знание этой механики не позволяет управлять ей в своекорыстных интересах.

Но зато здесь нужно сказать о другом. Среди задач психологии будущего будут преобладать задачи, за которые деньги получить будет нельзя: не задачи помощи другому, а задачи помощи себе самому: задачи повышения эффективности своего развития, преодоления своих психологических кризисов, укрепление своего психического здоровья и так далее.

И в этом смысле психология будущего перестанет быть профессией. Она станет системой знания о своей душе, но лишь в незначительной мере – системой методов работы с чужой душой.

Психологи-профессионалы, конечно, останутся. Но круг профессиональных их задач сузится до помощи в саморазвитии: саморазвитии индивидуумов и саморазвитии разного рода групп и организаций. Остальное попадет под запрет, как занятия саморазрушительные и неэтичные или неэтичные и саморазрушающиеся.

Сегодня психологам, обслуживающим рекламодателей или менеджеров, уже нужно давать молоко за вредность: нанося вред объектам труда своих клиентов, они наносят вред и самим себе прежде всего. Но сегодняшние психологи этого не понимают, просто не знают об этом вреде. Твои современники, дорогой друг, будут об этом знать и поэтому разработают совсем другие профессиональные стандарты.

Письмо 17. Этапы развития идеи и коллективное мышление

Дорогой друг!

Эта область психологии сегодня только-только еще даже не возникает, а только намечается. Область эта для классической психологии, очень необычна, так предмет изучения совсем не виден в рефлексии. Но это еще не самое неожиданное – в конце концов, мы не видим в рефлексии и никаких бессознательных процессов. Но здесь процесс не только не наблюдаемый непосредственно как психический, но наблюдаемый в совсем ином, не

психическом, а культурологическом качестве. Здесь особая психология – логия коллективной, групповой психе.

Интернет подарил этой групповой психе новый мозг, гораздо более мощный и потенциально гораздо более эффективный. И поставил перед психологами не столько задачу изучать, сколько задачу творить, создавать психические процессы для этого мозга. Групповой мозг нужно научить думать. Вот такой вызов.

Здесь много проблем. Но прежде всего, нужно понять, а что это такое, вообще, «думать». И как это делать вместе.

Есть два вида думанья. Думанье – как воплощение идеи, замысла. И думанье – как осмысление того, что было уже сделано. В первом случае идея разворачивается в план, а затем и в деятельность по воплощению этого плана. Во втором – сделанное сворачивается в смысл того, что было сделано. Эти смыслы участвуют в рождении новой идеи, которой предстоит воплотиться. Но они не единственные ее родители и даже в некотором смысле не главные. Главный – материнская, или пра-идея, бОльшая идея, по отношению к которой меньшая является частью, суб-идеей. Ну, например, материнской может быть идея «Разбогатеть» по отношению к идее конкретной финансовой сделки.

Соответственно, мы можем выделить несколько составных частей, «элементов» (в кавычках, потому что каждый из них отнюдь не элементарен) процесса мышления. Во-первых, обобщение проблемы, постановка задачи. Во-вторых, составление требований к тому, каким должно быть решение. В-третьих, оценка реалистичности, решаемости задачи. В-четвертых, принятие задачи, отождествления себя с ней, решение, что я (или мы, если это коллективное решение) будем ею заниматься и что я (мы) выделяем на это такие-то ресурсы (время, прежде всего). В-пятых, формирование представления о желательном результате (цели), достаточно развернутого для того, чтобы решение всей задачи можно было бы разбить на составляющие части – построить план. И в-шестых, повторение точно такой же декомпозиции со всеми элементами плана.

На каждом этапе в процессе участвуют «изобретатели», предлагающие решения, и «критики», оценивающие эффективность предложений. Порой, особенно если есть два конкурирующих плана, они могут меняться ролями. По мере детализации и конкретизации, умельчения задач и планов в работу включаются все новые специалисты по решению все более мелких и конкретных задач. Так для очень крупных задач формируются очень большие группы исполнителей.

Сегодня в только-только родившемся интернете весь этот процесс идет сам собой, стихийно. И поэтому не слишком эффективно. Как организовать его? Как сделать эффективней?

Ясно, что для этого прежде всего нужно определить сферы компетентности участников – насколько хорошо они умеют решать те или иные задачи. Чтобы человек при решении одних задач мог рассматриваться как лидер, или как потенциальный, способный участник, или просто как зритель. Эти роли и требования к их исполнителям должны быть внимательно проработаны. И определены таким образом, чтобы динамически меняться в ходе работы. Так, как это происходит и в обычной жизни, но динамичней, точнее, и в отношении большего репертуара ролей – включая оценку таких качеств участников, как: искренность, правдивость, совесть, мудрость, доброта и т.д..

Задача не очень простая даже технически. Но сегодня ее решение тормозится не этими техническими сложностями. Сегодня она еще просто не опознана как нуждающаяся в решении. Она еще просто не поставлена. Соответственно, нет никого, кто пытается искать для нее решения. В твоё время, дорогой друг, ситуация, естественно, будет другой. Впрочем, возможно, это произойдет и гораздо раньше.

Письмо 18. Задачи психологии: сегодня и завтра

Дорогой друг!

Поговорим о задачах. Науки и профессии. Какие они есть сегодня и какими будут.

А. Задачи науки

Сегодня их три: две теоретических и одна прикладная. Обе теоретические задачи – искать связи.

Первая теоретическая задача – искать связи психических свойств: между собой и с факторами, определяющими психические свойства.

Вторая теоретическая задача – искать связи между психическими явлениями и физиологическими – электрическими и биохимическими процессами в мозге.

Задача прикладная - гомункулус, моделирование психики, создание искусственной психики.

На это тратятся бюджеты. Этим заняты психологи-ученые.

Сказать, что совсем нет результатов, нельзя. Какие-то результаты есть. Но, наверное, главный из них – понимание, что так много о психике не узнаешь.

А.1

В «корреляционной психологии» главная проблема в том, что сами свойства, связи между которыми мы разыскиваем, являются нашими ментальными конструктами, нашими способами видеть психику и в этом смысле характеризуют исследователя-психолога не меньше, чем объект его исследования. В результате оказывается, что мы не можем сколько-нибудь точно измерить вводимые нами свойства, потому что они по природе своей плохо измеряемы: в лучшем случае «размыты», но нередко и внутренне противоречивы. Скажем, то, что с одной стороны, кажется умным, с другой, оказывается глупым, сила при рассмотрении ее в другом ракурсе оказывается слабостью, и так далее.

Как следствие, большинство обнаруживаемых нами корреляций едва переваливают за уровень статистической значимости. Другими словами, мы устанавливаем не столько сами связи, сколько факты, что нельзя утверждать их отсутствие.

Все дело в том, что, пытаясь упростить картину психического, мы определяем свойства как как конгломераты самых разных психических проявлений, не сильно задумываясь о том, насколько все они являются проявлением одних и тех же психических, ну, скажем так, причин. В результате психология становится коллекцией слыбых корреляционных связей.

Никакое знание не бывает лишним, но ощущения понимания психики знакомство с этой коллекцией не создает. Наше знание имеет форму «Похоже, что происходит примерно что-то такое, похожее на что-то вроде...». Образно говоря мы видим не психические физиономии, а какие-то силуэты в воздушных балахонах – призраки души.

Что придет на смену корреляционной психологии свойств? Прежде всего – иные языки описания психического. Языки, которые в отличие от одних прилагательных психологии свойств, будут включать в себя и существительные – описания психических вещей, состояний, событий и факторов, влияющих на события в психике. Но главное, эти языки будут глагольными – будут пригодны для описания процессов и, в частности, действий. Такие языки откроют нам возможность изучать психодинамику: что, под действием чего и как происходит в психике, что и как меняется.

Результатом такого сдвига исследовательской парадигмы станет совсем другая психология – психология с другими вопросами и, естественно, с другими ответами.

А.2

Психофизиология. Здесь мы остаемся в плену старого убеждения, что психика – просто ощущение нами того, что происходит у нас в мозге. Хотим понять психику – нужно изучать мозг. Идея 19-го века, перекочевавшая в 21-й.

Идея эта правильна. Но только наполовину.

Потому что, с одной стороны, события в мозге и во всем организме сами отражают происходящее в психике. Но не это главное. Это-то мы еще как-то понимаем. Не понимаем сегодня совсем мы другое.

Мы не понимаем, что существует реальность, которую можно осознавать, только когда сознание научается подниматься в эту область. С точки зрения теории информации становится достаточно емким, чтобы вырваться за пределы магического числа 7 плюс-минус 2 и обретает способность вмещать более сложные объекты. Условно говоря, эту неосознаваемую реальность можно назвать сверхсознанием.

Происходящее в психике главным образом определяется тем, что происходит в сверхсознании. Отсюда идет главная, сущностная мотивация, формирующая жизнь индивида.

Знакомство с областью «за-психического», «над-психического» полностью изменит наше понимание не только психики, но и мира в целом, включая, естественно, и понимание своего места в мире и своих задач. Сегодня мы настроены на подчинение мира своей воле. Завтра мы научимся анализировать состав и происхождение своей воли, пониманию, в какой степени моя воля моя, а в какой – не только моя, и более того – пониманию, когда необходимо подчинять мир своей воле, а когда свою волю – миру.

А.3. Моделирование

Это, естественно, скажется и на наших подходах к моделированию.

Психика –многоярусна. И успешность (эффективность, результативность) процессов одного уровня сложности определяется умением «корректировать» их на более высоком уровне. Например, распознавание звуков речи само по себе ограничено по точности очень невысокими порогами. Но подключение к распознавателю сначала синтаксических, а потом и семантических анализаторов (каждый из которых сам по себе состоит из нескольких уровней) позволяет приблизить точность распознавателя речи к 100 процентам.

Эта ситуация универсальна. Мы можем более или менее успешно моделировать отдельные психические функции, но мы не можем и не сможем смоделировать всего гомункулуса просто потому, что, поднимаясь ко все более и более высоким этажам психического, мы сравнительно быстро достигаем областей, сложность которых превышает наши способности познания. Субъективно соприкосновение с этими областями переживается как Всезнание. Реально же мы просто сталкиваемся с иной, более насыщенной, более концентрированной формой знания, которое по нашим меркам является внеязыковым и вообще непонятным.

Образно говоря, психика является марионеткой, подвешенной на ниточках к над-психическому. Мы не можем смоделировать поведение марионетки, не зная, что из себя представляет управляющий ей актер. Но мало того – марионетка вообще не может моделировать актера.

2. Задачи профессии, задачи прикладной психологии

Сегодня эти задачи объединяет стремление заработать, то есть удовлетворить платежеспособный спрос. На практике это означает попытки манипулирования другими людьми и попытки манипулирования собой. К этому добавляется говорение заказчику то, что он хочет слышать (и, естественно, то, что он готов понять).

Чем это плохо? Что здесь не хорошо? Прежде всего, то, что заказчик часто хочет невозможного, а психолог должен врать заказчику, чтобы не разочаровать. Но плохо и другое: манипулируя одними людьми в интересах других, мы мешаем естественному развитию тех, кем манипулируем. Мы создаем им неестественные мотивы и потребности, например, разные формы потребительства, мы мешаем их ориентировке в мире, мы деформируем их когнитивные и эмоциональные процессы. В общем, мы сбиваем их с «праведного пути». Впрочем, кавычки здесь избыточны.

Почему так происходит? Прежде всего, потому что мы считаем свой объект, человека, его психику безжизненными. Мы работаем с психикой, как токарь с болванкой, которой нужно придать определенные свойства, а для этого – определенную форму. То, что наш объект живой, живущий своей собственной жизнью, законы которой могут не совпадать с нашими желаниями, – обо всем этом сегодня мы стараемся не думать. Нам бы нужно было растить дерево, а мы хотим работать с ним, как будто его уже спилили.

Но оно, конечно, живо. И оно обычно сопротивляется нашим усилиям. Делая нашу работу не такой уж и эффективной. И хуже того – когда мы слишком сильно сгибаем дерево, оно может вдруг распрямиться и больно хлестнуть по насильнику.

Многие психотерапевты естественным образом приближаются к пониманию ограниченности манипулятивных и директивных подходов. Но сегодня они чаще всего не имеют им альтернативы, кроме того, чтобы пустить процесс на самотек. Чтобы сделать следующий шаг. Нужно лучше представлять себе существо психической жизни, жизни души. Психическая жизнь как развитие психики, развитие сознания и в то же время, как реализация индивидуальной идеи человека – замысла его жизни. Именно это понимание должно стать общим, чтобы психология стала преодолевать свой собственный перманентный кризис.

Что изменится в будущем? Прежде всего, прикладная психология будет вооружать не только психологов, но и обычных людей средствами работы С СОБОЙ. Психологическое знание перестанет быть только инструментом заработка и будет становиться всё больше и больше инструментом саморазвития и самосовершенствования. И второе – мы все больше будем превращаться из психологов-токарей в психологов-агрономов, а затем – и в психологов-педагогов. От «обработать по своему желанию» к «вырастить», а оттуда – к «помочь расти». Вот такой будет динамика развития психологии как профессии.

Психика – это совокупность разного рода идей, разного рода семян, которые прорастают, растут и дают свои плоды – осознание жизни, прожитой семенем, ставшим плодом. Поэтому вся жизнь психики – это развитие. Развитие сознания, которое в ходе развития становится всё более сложным и всё более емким, всё более и более полно и адекватно отражающим мир.

В ходе этого процесса часто возникают ситуации, когда дальнейшее развитие затруднено, когда развитие останавливается. Субъективно такие ситуации переживаются как кризисы и чреватые психопатической симптоматикой. Задача психолога, неважно – работает ли он с другим человеком или с самим собой, помочь преодолеть кризис, активизировать остановившееся развитие.

Другая задача психологии будущего вырастет из понимания, что психика бывает не только индивидуальной, но и коллективной: и естественные большие группы, как, например, народы или даже цивилизации, и малые искусственные группы, как организации, сами являются субъектами психики и субъектами развития. Задачей психологии народов (ей предстоит возродиться) и задачей организационной психологии (ей предстоит трансформироваться) станет помощь в развитии – больших и малых сообществ, соответственно.

Ну, и конечно, задачей психологии будущего останется задача популяризации психологического знания. Только знание это, естественно, будет другим, более полным.

Письмо 19. Почему психология пасует перед «Анной Карениной» (40 лет спустя)

Дорогой друг!

Эту тему я начинал, когда мне было 20 лет и через 40 лет возвращаюсь к ней снова: почему психология в художественных произведениях так глубока, а в научных – так поверхностна. Причем, чем научней – тем площе?

Мой первый, еще студенческий реферат был о соотношении научной и художественной психологии. Я показал его своему учителю, покойному Петру Яковлевичу Гальперину. Он покрыл реферат критическими ремарками, но оставил и прекрасный вопрос, поиск ответа на который занял у меня не одно десятилетие: для чего изучать литературу в школе. Петр Яковлевич был учителем от бога. Но мои мысли не были созвучны ему. Увы... И вот прошло 40 лет.

Сейчас к этим мыслям меня вернула перечитанная «Анна Каренина». Вот уж где анализ, так анализ. Описание, так описание. Внутренние метания Левина, Каренина и даже Вронского переданы с изысканным мастерством. С изысканнейшим!

Нам бы так! «Нам» – то есть психологам.

Но не получается. Почему?

Ну, самый первый и быстрее всего приходящий в голову ответ – это про соотношение общего (типичного) и единичного (индивидуального). Наука изучает общие закономерности, а искусство оперирует с индивидуальной психикой. Индивидуального (личного опыта жизни, как минимум, хотя индивидуальное в психике – это не только опыт одной жизни) гораздо больше, чем обще-типичного и оно гораздо разнообразней. Поэтому психика в искусстве является куда более живой и куда более близкой к оригиналу, чем теоретические построения университетских психологов.

Это, конечно, верное наблюдение. Но не исчерпывающее объяснение. И даже не уверен, что оно правильно отражает главное в проблеме. Внутренняя жизнь с ее метаниями, внезапными озарениями, влиянием чувств на мышление – всё это вполне типичные явления. И их можно описывать более-менее стандартизированным языком по более-менее определенным алгоритмам. Не

делаем мы этого не в силу того, что это выходит за границы предмета общей и дифференциальной психологии, а из-за незрелости языка и той, и другой.

Насколько в таком развитии языка есть смысл для профессионалов? Насколько это позволит им быть более эффективными в работе с людьми, эффективней решать свои профессиональные задачи? Безусловно, во многих ситуациях поможет. Ведь и убитый отказом Кити Левин, и страдающий от измены любимой жены Каренин – люди, переживающие кризис, по сути, готовые клиенты. Где они кружат мыслью? Где прячутся от себя? И что прячут? Как помочь им преодолеть кризис? Чтобы быть эффективным, психологу необходимо быть на том же уровне сложности, в каком протекает внутренняя жизнь таких литературных персонажей.

В наше время таких психологов можно просто пересчитать по пальцам, причем вторая рука не понадобится. Теоретические схемы, с которыми оперируют консультанты гораздо проще – как проще и сам язык этих теоретических схем. Когда такой психолог начинает говорить с клиентом левинского уровня внутренней сложности, то клиент немедленно обнаруживает примитив своего терапевта и на этом работа заканчивается, не начавшись.

Так что потребность профессиональная здесь на лицо. Другое дело, что одним усложнением языка здесь не обойтись. Вместе с усложнением языка необходимо усложнение, внутреннее развитие его носителей – самих психологов.

Мои современники далеки от понимания этой необходимости. В частности – потому что очень довольны своим умом. Может быть, дорогой друг, твои будут менее нарциссичными?

Письмо 20. Социология и этнопсихология, психосоциология: проблема и методы (перепечатка статьи)

Дорогой друг!

Думаю, эта статья еще долго не утратит своей актуальности. Поэтому отправляю ее такой, какой она была написана.

Социологи обычно рассматривают социум, как совокупность индивидов и/или групп. Гораздо менее распространен взгляд на общество, как на единый живой организм. Но именно такой подход позволяет увидеть в нагромождении мнений и ценностей то, что стоит за этими мнениями и из чего мнения растут.

Какие основание есть для того, чтобы считать общество живым организмом? Неважно, говорим ли мы о народе государства, о социальной группе, партии или трудовом коллективе.

Прежде всего – то, что своим бытием общество реализует некий набор идей, который в совокупности может считаться идеей общества.

И во-вторых, тем, что в психике отдельных членов общества есть общая для всех них часть, которую можно считать коллективной психикой, или «душою общества».

Именно коллективная психика и ответственна за управление той частью поведения индивидуумов, которое можно назвать «общественным», и за те стилевые особенности индивидуального поведения, которыми разные общества отличаются друг от друга.

Идеи различных обществ и сообществ различаются по масштабу и «рукотворности». У созданных руками человека сообществ (например, у политических партий или трудовых коллективов) идеи формализованы и записаны в виде документов, регулирующих жизнь сообщества. У «естественных» сообществ, такими как, например, народы, идеи объемнее и сложнее. Записать их на бумаге сколько-нибудь полно бывает трудно, хотя трудности эти связаны не только с тем, что писать нужно было бы много, но и с тем, что мы мало себе представляем, ЧТО именно нужно писать – уровень нашей рефлексии, нашего самопонимания себя как общества еще ниже, чем средний уровень понимания себя как индивида, личности. Вместе с тем, для любого сообщества жизненно необходимо понимать идеи, которыми сообщество «сделано».

Вот здесь и встречаются социология и этнопсихология. С одной стороны, коллективная психика – атрибут социума и как таковая должна изучаться социологией. С другой, она – все-таки психика, и поэтому ее изучением должна заниматься психология и, прежде всего, тот раздел психологии, который занимается изучением культурно-детерминированной специфики психической жизни, «культурной психикой», а именно – этнопсихология.

Однако со своими устоявшимися аппаратами – и концептуальным, и методическим – ни современная социология, ни современная этнопсихология к такой встрече не готовы. И таким образом встает вопрос о появлении новой научной дисциплины на границе социологии и психологии – социопсихологии, науке о душе общества, отличающейся от уже сформировавшихся на этой границе социальной психологии и этнопсихологии, как по предмету, так и в значительной степени – по методам.

Но, естественно, эти не означает игнорирования тех методов и собранных с помощью этих методов данных, которые накоплены уже сегодня. А накоплено этнопсихологией сведений немало. И о культурно-детерминированных особенностях мотивационной сферы, и об особенностях

образа мира, и (в меньшей степени) – о стилевых особенностях поведения (в самом широком значении слова) носителей разных культур.

Просто речь должна идти о том, чтобы пытаться разглядеть за коллекциями этих данных то, проявлением чего они являются. Если позволить себе неакадемическую лексику, то речь должна идти о переходе от устоявшихся способов интерпретации этнопсихологических данных к пониманию того, что в этих данных проявляет себя «дух социума».

Очень важную роль в таком переходе занимает то, чего сегодня очень не хватает и этнопсихологическим исследованиям – изучение культурно-специфичных механизмов смыслообразования. Например, обычно этнопсихологи ограничиваются констатацией того, что система ценностей в данном обществе включает в себя такие-то и такие-то компоненты. Гораздо меньшее внимание тратится на изучение взаимоотношений между разными ценностями и еще меньшее – на изучение вопросов, почему та или иная ценность является ценностью для данного общества? Что именно в ней ценно? Чем именно она ценна?

Вместе с тем, именно ответы на эти вопросы позволяют понять, чем живет общество как единый организм, то есть получить ценнейшее именно в социологическом контексте знание.

Методически, в эмпирическом изучении механизмов смыслообразования можно выделить следующие стадии:

Формирование выборки респондентов, репрезентативной для данного сообщества. В кросс-культурных исследованиях, естественно, таких выборок, должно быть сформировано несколько.

Формирование контрольных списков структурных элементов образа мира (например, ценностей), актуальных для всех респондентов во всех выборках и обладающих для всех респондентов одинаковым психологическим статусом (например, все респонденты должны понимать ценности из контрольного списка ценностей по возможности одинаково).

Непосредственно процедура опроса, нацеленная на формирование матрицы отношений определенного вида между элементами контрольных списков. Например, опрос может выяснять, насколько реализация одной ценности помогает или мешает реализации другой ценности и т.д..

Анализ матриц отношений и поиск в них структур, инвариантных для респондентов одного социума и в то же время специфичных именно для данного социума.

Интерпретация обнаруженных инвариантов.

Реализация такой программы, когда речь идет о сравнительном исследовании нескольких культур, сталкивается, однако, не с методическими, а с организационными трудностями – проекты оказываются очень дорогими (Psychological roots of cross-cultural and cross-confessional conflicts, 2009 представляет пример такого международного проекта, оставшегося нереализованным из-за отсутствия финансирования).

Альтернативная «методология» для работы с этими задачами возвращает нас к идеям «понимающей психологии» Дильтея и Шпрангера. Если предполагать, что «культурный код», ответственный за своеобразие той или иной культуры, известен экспертам, специалистам в области этой культуры, то задача соципсихолога состоит в том, чтобы извлечь этот «код» из эксперта в максимально эксплицированной и стандартизированной форме. Эта задача на сегодня не вызывает принципиальных затруднений даже для случая, когда конструкторы экспертов априорно не известны.

Если предложить экспертом описать то, что составляет «сущностное ядро» той или иной культуры, в виде ограниченного набора тезисов, а затем организовать взаимное оценивание собранных тезисов по шкалам «согласен – не согласен», «ядерная – поверхностная характеристика культуры (глубокая – поверхностная оценка)», то с помощью известных процедур обработки экспертных оценок можно получить весьма нетривиальные результаты.

Методологически близкий прием стал главным для моей книги по сравнительной культурной и исторической психологии «СветЖизни» (2006).

В погоне за «объективностью» психологического знания мы все еще часто забываем, что нет знания валиднее (а значит и объективнее), чем субъективное знание эксперта, если он в самом деле эксперт в своей области. Понимание же этого вполне, впрочем, самоочевидного факта, переносит центр тяжести задач как этнопсихологии, так и психосоциологии в область оценки компетенции экспертов, то есть, по сути дела, в область социометрии. Стандартные социометрические методики с небольшими «довесками» вполне надежно решают подобные задачи.

Вот такая статья. Думаю, ей место в этой коллекции писем.

Письмо 21. Психология деменции

Дорогой друг!

Я не знаю, сколько еще продолжатся попытки коллег найти золотой ключик к проблеме счастливой старости в биохимии и электрофизиологии мозга. Сколько еще они будут смешивать причину со следствием. Сколько еще

будут воспроизводить экспериментальную схему из анекдота про Василий-Иваныча: «Блоха прыгает? – Прыгает. – Оторви ей ноги. Прыгает? – Нет. – Пиши, Петька: «Без ног блоха оглохла.»».

Но рано или поздно просветление должно наступить. О том, каким оно будет, я и пишу тебе сегодня.

Болезни – и психические, и физические – как и любые жизненные «неприятности», являются проявлениями кризисов развития: задачами, которые получает человек, чтобы продвинуться в своем развитии вперед.

Сегодня, медики научились продлевать жизнь, по сути – затягивать течение болезни – человека, который, с одной стороны, вырван из социальной жизни, а с другой, утратил способность к развитию. Он больше не любит и его никто не любит: для жизни он не нужен, не востребован. И вместе с тем, он ментально застыл: он не меняет своих мнений, не осмысляет накопленного опыта... Иначе говоря – он больше не живет. В таком состоянии смерть является спасением (19-й Разговор в «Разговорах ученого с Учителем»).

Но здесь в дело вступает медицина и безжизненное психическое тело подключает к источникам искусственной жизнедеятельности. И в результате тело живет, а душа жить уже не может. Ответом на это является психическая деградация (регресс) при старческих болезнях. Ее, психической деградации следствием и становятся соответствующие процессы и в головном мозге, и во всем организме.

С точки зрения психологии происходит следующее: ученик, не способный решить сложные задачи по осмыслению своего сложного опыта, получает всё более простые задачи по осмыслению всё более и более простого опыта, вплоть до совсем детского – впадает в детство.

Отсюда и ключ к лечению болезней. Рецептов два.

Первый: по возможности активная социальная жизнь – дать возможность любить и быть любимым. Это не очень просто сделать, особенно с учетом того, что современная тенденция развития семейных отношений направлена прямо в противоположную сторону – изолировать стариков, чтобы они не мешали молодым. Если в 30-е годы Америка еще чувствовала здесь проблему (роман Джозефины Лоренс «Годы тянутся так медленно», ставший сначала напугавшим общество и потому отвергнутым американским фильмом «Уступи место завтрашнему дню», а через тридцать лет – бессмертным моссветовским спектаклем «Дальше – тишина»), то дальше изоляция стариков стало вполне нормально встречаемой обществом, включая и самих стариков, практикой. Молодым везде дорога. Без продолжения формулы Лебедева-Кумача.

Здесь можно многое поправить. Правда, не в ключе традиционной социальной работы. Но, чтобы что-то начать делать, сначала нужно увидеть проблему.

Второй рецепт – по возможности активизировать психическую жизнь. Хотя ее наполнение с возрастом может (и должно во многих случаях) меняться: вместо активного творчества – работа осмысления, думанья, понимания... Жизнь клонится к закату. Сделано много, понято мало. Значит, нужно учиться новому – учиться понимать, осмыслять. Это не простое дело. И учиться ему нужно, как и любому другому – делая ошибки, получая двойки, переделывая уже сделанное и так далее.

Такова теоретическая канва. В сегодняшнем обществе найдется немного геронтологов, которые способны услышать мои слова. Огромные деньги тратятся на изучение физиологии деградации мозга. Ну, это и понятно. У любой таблетки от слабоумия шансы на коммерческий успех превосходны. 365 дней в году по две таблетки в день, 100 миллионов пациентов... При цене таблетки хотя бы в 1 доллар это оборот в 70 миллиардов. А при цене 5 долларов? А если пациентов, не 100, а 500 миллионов. Чуешь, дорогой друг, чем здесь пахнет? Триллионом. И это только за один год. Просто разумные слова при таких числах не воспринимаются.

А если попробовать доказать эту – назовем ее пока так – гипотезу научно? Тогда шансы быть услышанным выше. Как это можно доказать? Да, очень просто – статистически. Сравнивая активных стариков с пассивными, изолированных – с включенными в социум, интеллектуально пассивных – с интеллектуально активными. Тут нет никаких хитростей – план исследования набросает за день любой средней руки кандидат наук. «Не бином Ньютона».

Найдется ли такой кандидат? И как отнесутся к нему распорядители кредитов? Наверное, найдется. И, наверное, найдутся и деньги, как минимум, на пилотаж. Но не уверен, что это произойдет быстро. Уж больно магическое это слово – «триллион». Понадобится время, чтобы общество набило достаточно шишек, чтобы разочароваться в идее «пилюли счастья».

Произойдет ли это раньше, чем мое письмо, дорогой друг, придет к тебе? Я отсюда пока этого не знаю. Но ты, конечно, будешь знать.

Список литературы:

1. Зеличенко А.И. Размышления о будущем (неакадемический текст на академические темы) // ПЕМ: Psychology. Educology. Medicine № 3-4. 2015. С. 362-397
2. Зеличенко А.И. Свет Жизни. История человечества в психосфере Земли. М., 2006
3. Psychological roots of cross-cultural and cross-confessional conflicts, Proposal for European Commission Program, 2009. From <http://russkiysvet.narod.ru/eng/proposal.pdf>

References:

1. Zelichenko A.I. Razmyshlenija o budushhem (neakademicheskij tekst na akademicheskie temy) // PEM: Psychology. Educology. Medicine № 3-4. 2015. S. 362-397
2. Zelichenko A.I. Svet Zhizni. Istorija chelovechestva v psihosfere Zemli. M., 2006
3. Psychological roots of cross-cultural and cross-confessional conflicts, Proposal for European Commission Program, 2009. From <http://russkiysvet.narod.ru/eng/proposal.pdf>

Сведения об авторе:

Зеличенко Александр Исаакович, кандидат физико-математических наук, психолог, философ, культуролог, историк и теолог, Интернет-проект «Русский Свет», включающий Интернет-журнал «Русская правда», Институт высшей психологии